ПРАВОСЛАВИЕ И ЛОЯЛЬНОСТЬ: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ К ВЫБОРУ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ЦЕРКОВЬЮ

Мchedлова М. М.,

*доктор политических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
заведующая кафедрой сравнительной политологии
факультета гуманитарных и социальных наук,
РУДН,
Москва, Россия.
E-mail: mchedlova@yandex.ru*

Кофанова Е. Н.,

*кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия.
E-mail: elena_kofanova@mail.ru*

Шевченко А. Г.,

*старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия.
E-mail: malbruk2954@yandex.ru*

Аннотация. Проблема стабилизирующего/дестабилизирующего воздействия религиозного фактора на социальную и политическую систему Российской Федерации актуализируется в контексте институционального и неинституционального воздействия, включая взаимосвязь между Русской православной церковью и степенью лояльности граждан по отношению к власти и реакции на вызов пандемии COVID-19. Для этого сравниваются позиции по разным вопросам православных и атеистов; кроме того, внутри православных выделяются две группы — вовлечённых в религиозную жизнь и не вовлечённых в неё. Изучаются

расхождения в оценках указанными группами ситуации в стране, социальной напряжённости, в их доверии государственным и общественным институтам, в социальных ожиданиях, в жизненной позиции, в том числе в отношении к свободе и государственной поддержке. Исследуются различия между группами не только во мнениях, но и в поведении — в гражданском и политическом участии, с констатацией большего уровня активизма у вовлечённых православных. Анализируется реакция отмеченных групп на современные вызовы, в частности, на пандемию; отмечаются разнообразные реакции и действия епископов в регионах, «ковид-диссидентство» части церковной иерархии, а также дисперсность исследуемых групп.

Ключевые слова: православие, религиозно-мировоззренческие группы, лояльность, доверие институтам, социальная напряжённость, политическое участие, пандемия, свобода.

ORTHODOXY AND LOYALTY: FROM SOCIAL TENSION TO THE CHOICE BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE CHURCH

Mchedlova Maria M.,

*Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Full Professor and Head
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia.
E-mail: mchedlova@yandex.ru.*

Kofanova Elena N.,

*Candidate of Sociology,
Senior Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia.
E-mail: elena_kofanova@mail.ru*

Shevchenko A. G.,

Senior Researcher,

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia.

E-mail: malbruk2954@yandex.ru

Abstract. The problem of the stabilizing / destabilizing influence of the religious factor on the social and political system of the Russian Federation is actualized in the context of institutional and non-institutional influence, including the relationship between the Russian Orthodox Church and the degree of citizens' loyalty to the government and reaction to the COVID challenge. For this purpose, the positions of Orthodox and atheists on various issues are compared; in addition, two groups are distinguished within the Orthodox — involved in religious life respondents and not involved in it. Differences in the assessments of the situation in the country, social tension, their trust in state and public institutions, their social expectations, and their attitude to life, including their attitude to freedom and state support, are studied. Differences between groups are investigated not only in opinions, but also in behavior — in civil and political participation, with the statement of a higher level of activism among the Orthodox involved respondents. The reaction of these groups to modern challenges, in particular, to the pandemic, is analyzed; various reactions and actions of bishops in the regions, "covid-dissidence" of a part of the Church hierarchy, as well as the dispersion of the studied groups are noted.

Keyword: Orthodoxy, religious and worldview groups, loyalty, trust in institutions, social tension, political participation, pandemic, freedom.

В постсоветской России интерес к религии, прежде всего к православию и исламу, превратился из естественного стремления возродить религию после многих лет радикального секуляризма в задачу государственного масштаба возвращения религии в публичное пространство. Активное проникновение религиозных интенций и религиозных организаций

в политическую, гражданскую, социальную сферы связано с возможностью использования для артикуляции интересов и определённой деятельности основных преимуществ религиозных институтов: социальное служение и акцентация солидаристского потенциала. Активность религиозных организаций в общественно-политической сфере играет, с одной стороны, стабилизирующую роль для российской социальной и политической системы, выступая в роли объединяющего, мобилизационного и амортизирующего ресурса, с другой — несёт риски дестабилизации политической системы, что отражается в исследованиях общественного мнения. Религиозный контекст новых социальных и политических конфигураций улавливается не только общественным сознанием, но становится центральной точкой общественно-политического дискурса. Фокус общественного внимания всё явственнее концентрируется на проблеме новых вызовов и угроз, формирующей основную канву публичных дискуссий: ощущение изменения привычного социально-политического каркаса не только реформатирует общественное самочувствие, но и инициирует напряжённый поиск эффективных стратегий развития и управления.

Основным аттрактором общественной риторики является Русская православная церковь в силу её исторической, культурной и политической значимости. По мере распространения её активной деятельности от собственно сферы отправления религиозного культа и социального служения до участия в формировании политических смыслов в публичной сфере растёт напряжение в общественном дискурсе и в оценках «лидеров мнений». Неслучайно остро звучавшей проблемой, улавливаемой массовым сознанием, становятся границы проникновения религиозных смыслов и религиозных организаций в светский сегмент общества и политические структуры, а также диффузия институциональных и мировоззренческих границ и вариативность наполнения политико-правового принципа светскости.

Специфика сегодняшней ситуации включает в себя одновременное сосуществование социальных групп, обладающих собственным мировоззрением — религиозным, секулярным и постсекулярным — что проявляется в различном понимании

взаимосвязи религии и общества, религии и политики. Из-за этого процесс возрождения религии воспринимается обществом неоднозначно — в диапазоне от восторженного отношения (как религиозное возрождение) до полного отрицания и осуждения (как клерикализм, мракобесие, поповщина). В этой ситуации необходимы осмысление и общественный консенсус по таким вопросам, как новый смысл секуляризма, правовые рамки государственно-конфессиональных отношений, возможности влияния религиозных институтов и религиозных смыслов на политику. Так, анализируя недавний опыт допуска религии в политическую жизнь общества в 1990-е гг. посредством создания политических партий и движений на религиозной основе, можно констатировать, что от этой практики пришлось отказаться из-за перспективы раскола российского полиэтнического и поликонфессионального общества из-за религиозных противоречий.

Сегодняшние реалии, связанные с большим вызовом вируса COVID-19, заставили заново взглянуть на определённые устойчивые поводы в социологии религии, актуализируя новые складывающиеся формы отношений религиозных институтов и верующих, дробления последних на группы, изменения внутрицерковного баланса [Лункин, 2020; Лученко, 2020]. При общей секулярности общественного сознания россиян на передний план вышли интересы достаточно большой группы людей, для которых церковная жизнь оказалась гораздо важнее иных форм социальности.

Таким образом, можно поставить исследовательский вопрос: в какой мере религиозно-мировоззренческая ориентация различных групп православных влияла на ценностные предпочтения, а Русская православная церковь формировала ориентиры православных граждан, для того чтобы иметь возможность проследить изменения — сиюминутные или качественные, связанные с переформатированием сложившихся статус-кво из-за большого вызова COVID-19. Вызов пандемии совпал со временем самого высокого религиозного напряжения — Великим постом и Пасхой, сразу высветив то, на что ранее не очень обращали внимание: различия и неоднородность групп православных,

неоднозначность взаимоотношений между церковью и прихожанами, между церковью как субъектом и конкретными представителями внутри неё, между церковью и государством. Соответственно, для прояснения сегодняшней ситуации, необходимо проанализировать сложившиеся к моменту пандемии COVID-19 социальные и ценностные конфигурации для оценки возможных особенностей будущих социальных и политических конфигураций [Фаустова, Мельников, 2020].

Для достижения цели, с учётом разнообразия оснований, по которым группы россиян причисляют себя к последователям православия (вера, идентичность, традиция, этничность, этика, геополитика и пр.), среди них выделены: «ядро», включающее 8% россиян¹, — те, кто своё свободное время обычно проводят в церкви, вовлечены в религиозную жизнь, а значит, подвержены наибольшему влиянию со стороны РПЦ, в значительной степени определяющей векторы и этос данной группы; остальные православные, не вовлечённые на постоянной основе в жизнь церкви, составляют масштабную «периферию», к ней относится 59% россиян (для анализа мы её огрубляем, не ранжируя внутри в соответствии с критерием дифференциации — религиозной вовлечённости, в нашем случае — посещение церкви в свободное время); третья контрольная группа — атеисты — те, на кого РПЦ оказывает наименьшее влияние, это «внешняя среда» по отношению к Церкви, таковых — 11%.

Социально-демографические особенности групп

Выделенные группы заметно различаются по таким социально-демографическим признакам, как пол, возраст, образование, наличие работы (табл. 1). Так, если среди вовлечённых

¹ В статье представлены данные 9-й волны мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (октябрь 2018 г., опрос по общероссийской репрезентативной выборке, 4000 респондентов в возрасте 18 лет и старше).

в религиозную жизнь православных большинство, 70%, составляют женщины, то среди не вовлечённых православных преобладание женщин есть, но менее выражено — 59%, тогда как среди атеистов большинство, 70%, — это мужчины.

Первая группа в среднем несколько старше второй и третьей. Среди вовлечённых православных свыше половины, 57%, старше 50 лет; не вовлечённые православные распределены по возрастным группам более равномерно; среди атеистов свыше половины, 59%, в возрасте 18–40 лет. Весьма наглядно сопоставление самой молодой и самой старшей групп опрошенных: доля молодёжи 18–30 лет растёт с 11% среди вовлечённых православных до 21% среди не вовлечённых православных и 41% среди атеистов; одновременно снижается доля опрошенных в возрасте «61+» с 33 до 20% и 13% соответственно.

Доли респондентов с высшим образованием, включая учёную степень, примерно одинаковы в трёх изучаемых группах, 29–31%. При этом учатся в вузе в первой группе 1%, во второй — 6%, в третьей доля студентов ещё больше — 16%. Доля работающих опрошенных выше всего среди не вовлечённых православных, 70%; ниже всего среди вовлечённых, 58%. Основная причина, почему респонденты не работают, в группах православных — пенсия; в группе атеистов — скорее учёба в вузе или ссузе и чуть реже — пенсия: 18 и 15% соответственно.

Таким образом, достаточно сложно составить чёткие портреты каждой из групп, по ряду показателей они похожи и их внутренняя дифференциация вполне однотипна, однако первая исследуемая группа больше объединяет менее социально-защищённые слои населения (в основном женщины, несколько старше по возрасту, реже имеют работу, немного ниже уровень образования, крайне редко обучаются новому), по сравнению со второй и, особенно, третьей группами, что отнюдь не свидетельствует о её однородном составе. В любом случае, мы не можем выстроить жёсткой зависимости религиозной вовлечённости от каких-то социально-демографических особенностей, наверное, к более-менее явным закономерностям можно отнести возраст и пол. Скорее речь должна идти о большой и нелинейной совокупности факторов.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики представителей групп (в %, 2018 г.)

Пол, возраст, образование, наличие работы		Россияне в целом	Православные в целом	Вовлечённые православные	Не вовлечённые православные	Атеисты
Пол	Мужчины	45	40	30	41	70
	Женщины	55	60	70	59	30
Возраст	18–30	25	19	11	21	41
	31–40	23	24	16	25	18
	41–50	18	19	16	19	16
	51–60	16	17	24	16	12
	61+	18	21	33	20	13
Образование	Неполное среднее	2	2	2	2	1
	Среднее	20	18	20	17	31
	Среднее специальное	43	45	45	46	30
	Незаконченное высшее	6	5	3	6	8
	Высшее	28	28	29	28	29
	Аспирантура, ученая степень	1	1	2	1	1
Работают ли сейчас	Работают	69	68	58	70	64
	Не работают, так как находятся на пенсии (в том числе пенсии по инвалидности)	20	23	39	21	15
	Не работают, так как находятся в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребёнком	1	1	1	1	
	Не работают, так как учатся в вузе	7	5	1	6	16
	Не работают, так как учатся в среднем специальном учебном заведении	1	0		0	2
	Не работают по иным причинам	2	2	1	2	4

Оценка ситуации в стране: проблема социального напряжения

Вопрос о стабилизирующем/дестабилизирующем воздействии религиозного фактора на социальную и политическую систему России может быть рассмотрен с различных сторон: прежде всего институциональной и неинституциональной. Институциональное воздействие во многом определяется степенью вхождения религиозных институтов непосредственно в поле политики или государственно-управленческих решений, что обществом не приветствуется, а сами попытки таких стратегий приводят к общественным расколам. Неинституциональное воздействие может быть проинтерпретировано как воздействие религиозного фактора на восприятие социальной напряжённости в обществе: являются ли уровень вовлечённости и религиозно-мировоззренческие ориентации факторами, определяющими степень оценки, и, как следствие, — насколько лояльны представители исследуемых групп к политическим институтам и социально-политическим конфигурациям.

Одним из ключевых факторов, определяющих общую ситуацию как по стране в целом, так и на местах, выступает уровень социальной напряжённости. О снижении социальной напряжённости **на общероссийском уровне** и у православных, и у атеистов заявила лишь меньшая часть респондентов: существенное снижение отметили всего 5%, некоторое снижение — 10–15%, причём более низкий показатель имеет здесь атеистическая группа. Гораздо выше процент опрошенных, которые указали на рост социального напряжения: его существенный рост отметило до четверти респондентов, некоторый рост — свыше трети. В обоих случаях более высокий показатель имеют атеисты. Около пятой части респондентов обеих групп отметили стабильность ситуации. Оценки респондентами характера снижения социального напряжения **на уровне своего региона** в основном идентичны соответствующим общероссийским оценкам (расхождения — в пределах 1–2%). Однако относительно его роста картина оценок уже несколько иная. И если процент отметивших лишь некоторое увеличение

социальной напряжённости на федеральном и региональном уровнях практически одинаковый, то на его существенное возрастание в своём регионе, в сравнении со всей Россией, указала уже заметно меньшая часть респондентов. Хотя и здесь процентные показатели атеистической группы несколько выше. При этом существенно более высок и процент тех, кто считает ситуацию неизменной — таковых в обеих группах свыше четверти опрошенных.

Представленная в оценках респондентов картина социального напряжения **на местах** в основном сходна с картиной региональных оценок, хотя имеются определённые отличия: немного ниже процент отметивших рост социальной напряжённости — и существенный, и небольшой. При этом выше и процент тех, кто заявил о стабильности ситуации. Суммарное соотношение **позитивных и негативных** оценок динамики социальной напряжённости выглядит следующим образом: **на общероссийском уровне**: соответственно 20 и 58% у православных, 15 и 65% у атеистов; **на региональном уровне** — у православных 20 и 50%, у атеистов — 16 и 57%; **на местном уровне** — у православных 20 и 47%, у атеистов — 17 и 53%.

Таким образом, в обеих религиозно-мировоззренческих группах — православных и атеистов — преобладает точка зрения о росте социальной напряжённости и на федеральном, и на региональном, и на местном уровнях, причём в наибольшей мере оценки такого рода доминируют как раз у атеистов. Однако при этом с переходом от федерального на региональный и, особенно, местный уровень растёт доля респондентов, которые оценивают ситуацию как стабильную — именно за счёт этого и происходит снижение процентного показателя оценок роста социального напряжения, что ярче всего проявилось как раз на местном уровне.

Дополнительные грани раскрывает дифференцированное рассмотрение позиций православной группы. Из таблицы 2 можно видеть заметную разницу позиций в группах вовлечённых и не вовлечённых православных. Так, **на федеральном уровне** суждения о снижении напряжения там и там набирают

почти одинаковый процент. Однако далее по вопросу о росте между подгруппами наблюдается существенное различие: у вовлечённых заметно меньший процент набирают суждения о небольшом росте социального напряжения и несколько больший — о его значительном росте, показатели не вовлечённых по данным позициям идентичны общим по православной группе.

На уровне своего региона суждение о небольшом снижении социального напряжения больший процент набирает у вовлечённых православных, а суждения о его росте (и небольшом, и значительном) — несколько меньший (хотя разброс показателей между подгруппами здесь уже менее заметный. При этом, однако, именно у вовлечённых православных наблюдается наибольший процент суждений о стабильности социальной ситуации. **На местном уровне** мы видим в целом ту же картину оценок динамики социального напряжения, однако при этом показатель отсутствия изменений здесь наиболее высокий, особенно в подгруппе вовлечённых.

Таким образом, с переходом с федерального на региональный, а затем особенно — на местный уровень, разрыв между показателями позитивной и негативной динамики социальной напряжённости наиболее заметно уменьшается как раз в подгруппе вовлечённых православных. Тенденции, характерные для православной группы в целом, именно в вовлечённой подгруппе проявляются наиболее отчётливо, что позволяет подтвердить суждение о большей лояльности к существующим социально-политическим институтам.

Уровень социальной напряжённости связан с оценкой конкретных позитивных и негативных перемен в жизни российского общества, произошедших в течение последних пяти лет, что позволяет проследить, насколько религиозно-мировоззренческий фактор и близость к импульсам, исходящим от РПЦ, влияет на восприятие динамики изменений в различных сферах.

К сожалению, в ответах респондентов преобладают пессимистические оценки, единственной сферой, в которой отмечается заметное улучшение всеми россиянами, безотносительно к их принадлежности к ядру или периферии рассматриваемых

Таблица 2. Оценка представителями групп динамики социального напряжения в России в целом, в регионах и поселениях (в %, 2018 г.)

Возрастает ли социальное напряжение...		Россияне в целом	Православные в целом	Вовлечённые православные	Не вовлечённые православные	Атеисты
В России	Напряжение существенно снижается	6	5	5	5	5
	Напряжение немного снижается	15	15	17	15	10
	Напряжение немного возрастает	37	37	29	38	41
	Напряжение существенно возрастает	21	21	25	21	25
	Ситуация такая же, как и была раньше	22	22	24	21	20
В своём регионе	Напряжение существенно снижается	5	6	6	6	4
	Напряжение немного снижается	14	14	18	13	12
	Напряжение немного возрастает	35	35	32	36	41
	Напряжение существенно возрастает	14	15	12	15	17
	Ситуация такая же, как и была раньше	32	30	32	30	27
В своём поселении	Напряжение существенно снижается	6	6	5	6	5
	Напряжение немного снижается	14	14	17	13	12
	Напряжение немного возрастает	31	33	30	33	37
	Напряжение существенно возрастает	13	14	12	15	16
	Ситуация такая же, как и была раньше	36	33	36	33	30

групп, является борьба с терроризмом. Во всех остальных сферах также наблюдается единодушие в признании ухудшения ситуации, однако степень оценки данного ухудшения в группе атеистов выше на 5–15 процентных пунктов. По уровню негативного восприятия произошедших перемен

и у **православных**, и у **атеистов** первые два места занимают, соответственно, ухудшение **жизненного уровня населения** и системы **пенсионного обеспечения**, что становится ключевым фактором возможного нарушения социального договора. Наибольшее ухудшение положения дел, по мнению респондентов, наблюдается в сферах, касающихся социально-экономического и международного положения страны, а также морального состояния общества. При этом гуманитарные области общественной жизни — межнациональные отношения, развитие культуры — оцениваются менее негативно.

Особо же следует отметить, что по всем названным позициям процент негативных оценок в атеистической группе в сравнении с православной, выше, причём в ряде случаев весьма заметно. Это, в частности, касается таких жизненных сфер, как состояние экономики, международное положение страны, развитие демократии, борьба с коррупцией, борьба с терроризмом. Причём если в **православной** группе от 50 до 60% негативных оценок отмечено по трём позициям; от 40 до 50% — также по трём позициям, остальные до 30% и ниже; то среди **атеистов** — две позиции набирают свыше 60%; от 50 до 60% — по четырём позициям; от 40 до 50% — по одной; от 30 до 40% — по двум, остальные ниже. При этом в рамках единой шкалы негативных оценок православной группы у подгруппы вовлечённых и не вовлечённых расхождения между подгруппами незначительны (1–3%) и принципиальной роли не играют, что позволяет говорить, что в данном сюжете близость к РПЦ и вовлечённость в церковную жизнь не имеют значения. Во всей православной группе по большинству позиций процент негативных оценок произошедших перемен многократно превышает аналогичный процент позитивных оценок. Наиболее значительный разрыв наблюдается по вопросу пенсионного обеспечения — почти в 7 раз, моральному состоянию общества — почти в 6 раз, состоянию уровня жизни — в 5 раз, ситуации в социальной сфере — в 4 раза. Единственная позиция, по которой наблюдается противоположная ситуация — борьба с терроризмом, где процент положительных оценок превышает процент отрицательных в 4 раза. В атеистической

же группе доминирование негативных оценок прошедших перемен ещё более значительное.

Оценки сегодняшнего дня стали гораздо менее оптимистическими. По данным ВЦИОМ, с середины марта до середины апреля 2020 г. доля россиян, испытывающих тревогу по поводу экономического кризиса выросла с 71 до 84%, индекс социальных ожиданий достиг рекордно низкой отметки: россияне перестали верить в хорошее, они уверены, что всё плохо, а будет ещё хуже: 14% участников последнего опроса полагают, что самую тяжёлую фазу кризиса Россия переживает сейчас; 72% респондентов ответили, что тяжёлое время ждёт впереди [Индекс социальных оценок, 2020].

Индекс социальных оценок, который показывает, как россияне оценивают ситуацию, сложившуюся в стране, достиг отрицательной зоны — отметки в –8 пунктов; тех, кто считает, что всё хорошо, почти не осталось, таковых только 1% опрошенных; при этом тех, кто уверен, что ситуация очень плохая — 12% опрошенных.

Индекс социальных ожиданий в апреле достиг –81 пункта, что очень близко к самой низкой границе оценок [Индекс социальных ожиданий, 2020]. Это тоже худший результат. Индекс может принимать значения от 100 до –100 пунктов, и сейчас до нижней границы осталось всего 19 пунктов (менее 20%). Добавим, что по сравнению с мартом индекс ухудшился на 20 пунктов. Таким образом, нарастает тенденция повышения социальной напряжённости и от воздействия религиозного фактора будет зависеть в том числе и выбор россиянами модели поведения.

Доверие институтам

Характер оценки респондентами различных религиозно-мировоззренческих групп произошедших в жизни страны событий, нынешнего внутреннего и внешнего её положения, равно как и перспектив на будущее закономерно ставит вопрос о выявлении уровня доверия государственным и общественным институтам, действующим в современной России, от чего напрямую зависит оценка способности этих институтов успешно

действовать на благо страны. То, насколько уровень вовлечённости православных россиян опосредует доверие к политическим и социальным институтам, носит достаточно самоочевидный характер. Согласно интерпретируемым данным 2018 г., по уровню доверия названным государственным и общественным институтам на **первое** место и среди православных, и среди атеистов выходит **Российская армия**, опережающая уровень доверия к институту Презента.

Особо же следует остановиться и на показателях уровня доверия **Церкви**, которую в православной группе отметили половина респондентов, а в атеистической — пятая часть. Причём если у православных Церковь по уровню доверия занимает третье место после Российской армии и Президента РФ, то в атеистической группе она занимает всего 11-е место, но всё же опережает и печатные СМИ, и Государственную Думу, не говоря уже о политических партиях. Можно видеть, что **лидерами доверия** в обеих группах из числа государственных институций являются Российская армия и Президент РФ, а из негосударственных — Российская академия наук и Церковь (у православных), что в принципе воспроизводит историческую триаду наиболее легитимных институтов в России. Остальные из названных и государственных, и общественных структур следуют за ними со значительным отрывом. При этом у православных уровень доверия почти ко всем институтам, как правило, выше.

Представляется значимым более подробное дифференцированное рассмотрение шкалы доверия православной группы. Из таблицы 3 видно, что в пределах общей для группы шкалы **подгруппа вовлечённых православных** по уровню доверия всем названным государственным и общественным институтам имеет **более высокий** показатель, причём наиболее значительный разрыв касается **Церкви**. Весьма заметное превышение можно наблюдать также относительно **региональных руководителей, Президента и Правительства РФ, электронных СМИ, общественных организаций, судебной системы**. Таким образом, общие для православной группы тенденции в подгруппе вовлечённых православных проявляются наиболее отчётливо.

Таблица 3. Доверие православных групп государственным и общественным институтам (приведены ответы «доверяю»)
(в %, 2018 г.)

Доверяют...	Россияне в целом	Православные в целом	Вовлечённые православные	Не вовлечённые православные	Атеисты
1. Президенту РФ	55	59	66	57	43
2. Правительству РФ	30	32	39	31	24
3. Руководителю республики, Губернатору Вашей области, края	36	38	49	36	28
4. Органам местного самоуправления	26	26	28	26	24
5. Государственной Думе РФ	21	22	25	22	17
6. Совету Федерации	22	23	26	23	21
7. Политическим партиям	15	16	20	15	16
8. Полиции, органам внутренних дел	32	34	36	34	27
9. Прессе (газетам, журналам)	24	26	30	25	19
10. Телевидению	29	32	39	31	22
11. Российской армии	65	68	70	68	56
12. Профсоюзам	26	27	30	27	23
13. Судебной системе	25	26	32	25	23
14. Церкви	41	50	73	47	20
15. Общественным и правозащит- ным организациям	34	36	42	35	37
16. Российской академии наук	46	48	45	48	44

Из проведённого анализа видно, что хотя Президент РФ по-прежнему входит в тройку лидеров доверия общественным и государственным институтам и у православных, и у атеистов, он тем не менее уже не составляет первой строки рейтинга. В связи с этим перед респондентами и были поставлены вопросы об изменении отношения к деятельности действующего Президента РФ, произошедшем в течение последнего года.

Как показано в таблице 4, у почти половины респондентов отношение к деятельности нынешнего Президента РФ

в течение года никак не изменилось, при этом, однако, в православной группе таковых ровно 50%, у атеистов — немного ниже. Заметная часть респондентов отметила ухудшение своего отношения к деятельности Президента РФ, причём у православных таковых немногим больше трети, у атеистов — ближе к половине. Лишь меньшая часть опрошенных однозначно высказалась в поддержку политики действующего Президента РФ, хотя в православной группе процент таковых всё же выше. Таким образом, при общей тенденции ухудшения отношения к деятельности Президента РФ, у православных она выражена менее отчётливо. При этом сохранение у половины опрошенных прежнего отношения к деятельности лидера государства всё же свидетельствует о стабильности ситуации: процент изменения оценок и в худшую, и в лучшую сторону в обеих группах большинства не составляет, хотя лояльность православных действующей власти всё же несколько выше.

Определённые уточнения здесь также вносит рассмотрение позиций подгрупп вовлечённых и не вовлечённых православных: у первых удельный вес положительных оценок изменения деятельности Президента РФ в сравнении со вторыми выше, достигая пятой части данной подгруппы, и одновременно — ниже процент отметивших неизменность своей прежней позиции. Тогда как процент ухудшения в обеих подгруппах практически идентичен.

Если обратиться к сегодняшней оценке деятельности Президента, то следует отметить существенное понижение уровня его поддержки. В том числе в группе православных. По результатам исследований ФОМ оценка деятельности В. Путина в мае 2020 г. по сравнению с результатами предыдущей недели практически не изменилась. Скорее хорошо его работу оценивают 60% респондентов, скорее плохо — 24%. Аналогичная динамика и у показателей доверия В. Путину. Скорее доверяют политику 57%, не доверяют — 30% [Владимир Путин: оценки... 2020]. Согласно данным Левада-Центра, положительные ответы на прямой вопрос: «Одобряете ли вы деятельность В. Путина на посту президента РФ?», с октября 2019 г. по март 2020 г. снизились с 70% до 63% (при проведении личного интервью по

Таблица 4. Изменение отношения представителей групп к деятельности Президента РФ В. В. Путина за прошедший год (в %, 2018 г.)

Отношение к Президенту за год...	Россияне в целом	Православные в целом	Вовлечённые православные	Не вовлечённые православные	Атеисты
Улучшилось	14	15	20	14	11
Ухудшилось	36	35	35	36	43
Не изменилось	50	50	45	50	46

месту жительства); при вынужденном переходе из-за пандемии на телефонные опросы доля таких ответов опустилась до 59% в апреле и осталась такой же мае 2020 г. Процент «неодобряющих», соответственно, за тот же период вырос с 29% до 36% (март 2020 г.). И при телефонных опросах в апреле и в мае, обычно дающих более лояльные по отношению к власти ответы, не изменился, составив 33–34% [Доверие... 2020]. По мнению Л. Гудкова, «...недовольство растёт <...> Оно растёт уже не первый год, с конца, со второй половины 18-го года мы видим, как нарастает вот это диффузное раздражение, недовольство. Диффузное — потому что нет организации, партии, реальных социальных сил, которые могли бы придать этому разлитому раздражению, напряжению определённую форму. <...> Действительно мы видим по всем нашим замерам последовательное падение доверия и одобрения деятельности президента, нарастание негативных оценок деятельности Госдумы, давно уже соотношение негативных и позитивных оценок примерно 2:1 <...> Рейтинги снижаются, сокращается ядро президентской поддержки, очень заметно. Почти вдвое снизилось. Я говорю не о рейтинге его деятельности, а о базе его поддержки. Оно сократилось с 59 до 28% по последнему нашему замеру. Почти вдвое» [Пандемия... 2020].

Исходя из отмеченной динамики социальной напряжённости и изменения уровня поддержки и доверия к политическим институтам, сегодня встаёт вопрос о степени лояльности россиян к власти и о взаимоопосредованности между лояльностью и религиозно-мировоззренческим фактором, прежде всего приверженностью к православию. Существуют ли предпосылки канализации недовольства и перетекут ли они в различные формы протестного поведения, насколько на них влияет мировоззренческая близость к православию РПЦ — эти вопросы представляются ключевыми.

Интерес к политике и жизненная позиция

Вопрос о перетекании в политическую сферу ощущений ухудшения социального положения, снижения уровня доверия и поддержки к социальным и политическим институтам связан с уровнем интереса к политике.

Из таблицы 5 можно видеть, что и у **православных**, и у **атеистов** до четверти респондентов внимательно следят за событиями политической жизни, обе группы имеют по данной позиции **равный** процентный показатель. Ещё свыше 40%, хотя и не следят регулярно за событиями политической жизни, но периодически обсуждают их с близкими людьми, причём у православных процент таковых незначительно выше. Таким образом, и среди православных, и среди атеистов события политической жизни в разной степени вызывают интерес у **около 70%** опрошенных. Те же, кто заявил о полном отсутствии у них такого рода интереса, составляют менее трети, причём незначительно больший процент таковых присутствует в **атеистической** группе. Дифференцированное же рассмотрение данных по православной группе показывает существенные отличия подгруппы вовлечённых: здесь те, кто регулярно отслеживает информацию политического характера, составляют заметно больший процент, охватывая свыше трети опрошенных. При этом лиц, не следящих регулярно за политическими событиями и не интересующихся политикой, здесь в процентном отношении меньше — не только в сравнении с подгруппой не

вовлечённых православных, но и с православной группой в целом. Именно подгруппа вовлечённых православных в данном плане выступает как более политизированная. Это подтверждается и сложившейся ситуацией в мае 2020 г.: «оказалось, что у существенной части людей в Церкви вообще нет понятия о послушании. Удивительно, что обычно консервативно настроенные люди явили совершенно либеральное, протестантское понимание Церкви как союза общин, которые объединены общей верой. Епископ вообще полностью исключён из этой схемы управления Церкви, просто как ошибшийся администратор» [Головкин, Бородин, 2020].

Таблица 5. Интерес к политике (в %, 2018 г.)

Уровень интереса к политике	Россияне в целом	Православные в целом	Вовлечённые православные	Не вовлечённые православные	Атеисты
Внимательно следят за информацией о политических событиях в стране	23	24	34	22	24
Внимательно за информацией о политических событиях не следят, но изредка обсуждают их с друзьями, родственниками	47	46	41	48	44
Политикой не интересуются	30	30	25	30	32

Подобное сегодняшнее мнение подтверждается и данными 2018 г., касающимися личной жизненной позиции по вопросам их личного и социального жизнеустройства, проявляющимися в выборе из альтернативных суждений о государственной поддержке и свободе (табл. 6).

Выбор между двумя суждениями **первой** пары, касающейся необходимости государственной поддержки граждан и их семей, разделил и православную, и атеистическую группы на сопоставимые части, только при этом у **православных** 10%-й **перевес** имеет **второе суждение** — о насущной необходимости

государственной поддержки гражданину и его семье, тогда как у атеистов наоборот — **первое суждение** — о способности гражданина обеспечить себя самого и членов его семьи без государственной поддержки. Примечательно, что в подгруппе **вовлечённых** православных процентный разрыв гораздо более значителен — второе суждение о насущной необходимости государственной помощи гражданам и их семьям поддержало здесь **две трети** опрошенных.

Вторая пара альтернативных суждений связана с пониманием свободы. И у **православных**, и у **атеистов**, доминирует понимание свободы как реализации в первую очередь их **личных**, а не политических прав, причём процентные показатели обеих групп в данном случае **абсолютно совпадают**. Подгруппа вовлечённых православных и здесь имеет существенное отличие: при доминировании поддержки первого суждения, касающегося приоритетности личных прав, оно всё же имеет, в сравнении со всей группой, более низкий процентный показатель, тогда

Таблица 6. Выбор из пар суждений о поддержке государства и свободе (один ответ по каждой паре суждений) (в %, 2018 г.)

Пары суждений	Россияне в целом	Православные в целом	Вовлечённые православные	Не вовлечённые православные	Атеисты
1					
Смогут сами обеспечить себя и свою семью, и не нуждаются в поддержке со стороны государства	48	45	34	47	56
Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	52	55	66	53	45
2					
Свобода — это возможность быть самому себе хозяином	63	62	56	63	62
Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах	37	38	44	37	38

как второе суждение — о приоритетности политических прав — соответственно, более высокий и как следствие можно говорить о тенденции к определённой политизации данной группы.

Гражданское и политическое участие, протестная активность

Проявление интереса к текущей политике далеко не всегда предполагает непосредственное участие данного лица в общественной и политической жизни, о чём свидетельствуют ответы респондентов на вопросы о степени их конкретного политического участия.

В таблице 7 наглядно показано, что и у **православных**, и у **атеистов** до 80% и выше вообще **не принимают участия** в деятельности каких-либо общественных организаций и объединений вне зависимости от профиля их работы.

Из группы **православных** по 5% респондентов участвовали в социальных волонтерских движениях, деятельности органов территориального общественного самоуправления (ТОС) и товариществах собственников жилья (ТСЖ), Интернет-сообществах; по 4% — в работе профессиональных союзов и благотворительных организаций; по 2–3% — экологических организаций и обществ защиты прав потребителей; по 1% — религиозных объединений, правозащитных организаций, обществ охраны памятников истории и культуры. В **атеистической** группе по 4–6% респондентов отметили своё участие в работе социальных волонтерских движений, интернет-сообществ, экологических организаций; по 1–3% — благотворительных организаций, профессиональных союзов, ТОС и ТСЖ, обществ защиты прав потребителей; обществ охраны памятников истории и культуры. Такие же типы общественных объединений, как правозащитные и религиозные организации, респонденты-атеисты не отметили вовсе.

На этом фоне заметно выделяется подгруппа **вовлечённых** православных, где также невысокие процентные показатели участия в деятельности общественных организаций всё же выше в 2–3 раза. Так, 10-я часть вовлечённых принимает участие

в работе благотворительных организаций; по 7–8% — в работе социальных волонтерских движений, профессиональных союзов, ТОС и ТСЖ, религиозных организаций; по 5% — в работе Интернет-сообществ и правозащитных организаций; по 3–4% — в экологических организациях, обществах защиты прав потребителей и обществах охраны памятников истории и культуры. Таким образом, можно видеть, что именно вовлечённые православные больше демонстрирует гражданскую и социальную активность, что показывает наличие в данной подгруппе большего потенциала солидарности, социального активизма и самоорганизации. Это позволяет говорить о наличии связи между религиозно-мировоззренческими ориентациями, религиозной социализацией и новыми гражданскими формами участия и социальной активности, вопреки расхожим мнениям о пассивности и традиционной покорности верующих¹.

Определение корреляции религиозно-мировоззренческой принадлежности и предпочтительных форм политического участия ставит вопрос как о стратегии поведения тех или иных мировоззренческих групп в кризисные периоды и степени их лояльности существующей власти, так и о возможностях их политической мобилизации. Вопрос о структурированности политического пространства пересекается с уровнем политического участия россиян и, как следствие, с возможностью артикуляции их интересов различными субъектами политики.

Из таблицы 8 можно видеть, что до половины и выше респондентов заявили о своём полном **неучастии в политической жизни** страны, причём **наибольший** процент таковых (свыше 50%) отмечен в **атеистической** группе. Что же касается перечисленных форм политического участия, то наибольший процент и у православных, и у атеистов набирает участие в выборах в качестве избирателей, причём в православной группе данный показатель самый высокий, тогда как в атеистической — заметно меньше. На второе место, также

¹ Те же закономерности, касающиеся связи вовлечённости в религиозную жизнь и гражданского активизма, наблюдаются и среди приверженцев ислама в России [см.: Религия... 2019: § § 2.4, 2.5].

Таблица 7. Вовлеченность в деятельность общественных организаций, объединений и сообществ (в %, 2018 г.)

Объединения	Россияне в целом	Православные в целом	Вовлечённые православные	Не вовлечённые православные	Атеисты
Социальные волонтерские движения (помощь пострадавшим при пожарах, наводнениях и т. п.)	5	5	8	4	6
Экологические организации	3	3	3	2	4
Профсоюзы	4	4	7	4	2
Благотворительные организации	4	4	10	4	3
Территориальное общественное самоуправление, ТСЖ	4	5	7	5	2
Общества защиты прав потребителей	2	2	4	2	2
Правозащитные организации	1	1	5	1	0
Объединения по защите памятников культуры, архитектуры и т. п.	2	1	4	1	1
Интернет-сообщества	6	5	5	5	5
Религиозные организации	2	1	7	0	0
Другое	0	0	0	1	1
Не приходилось участвовать в перечисленных организациях, объединениях и сообществах	80	81	71	82	81

в обеих группах, с большим отставанием выходит обсуждение политических событий с друзьями и коллегами, причём и православные, и атеисты имеют здесь практически идентичные показатели. На остальные же формы политического участия в обеих группах указал незначительный процент опрошенных: у **православных** по 5% набирает участие в политических акциях и выборных кампаниях; по 3% — участие в референдумах, публичных слушаниях, петиционных кампаниях и работа в органах местного самоуправления; 2% — связь с единомышленниками через социальные сети; по 1% — участие в работе

политических партий и в деятельности правозащитных организаций. У **атеистов** по 5% отметили участие в выборных кампаниях и в референдумах; по 3% — участие в политических акциях и связь с единомышленниками через социальные сети; 2% — работу в органах местного самоуправления; 1% — участие в деятельности политических партий.

Таким образом, для большинства респондентов обеих групп политическая деятельность сводится к **участию в выборах в качестве избирателей** и, со значительным отрывом, к **приватному обсуждению политических событий**. Другие формы политического участия, предполагающие публичность, активную деятельность, личное участие в работе политических структур, для абсолютного большинства опрошенных не имеют существенного значения.

При дифференцированном рассмотрении православной группы можно наблюдать довольно существенные отличия в подгруппе **вовлечённых** православных, где показатели политического участия по всем позициям заметно выше, чем по группе в целом. Причём это касается не только тех форм, которые имеют наиболее значительный процент поддержки — участие в выборах в качестве избирателей — 61% против 51%, приватное обсуждение политических событий — 28% против 19%, — но и остальных, которые отметил небольшой процент опрошенных. Так, по участию в общественно-политических акциях, в сравнении со всей группой, процентный показатель здесь выше более чем вдвое (соответственно, 5% и 11%); по участию в референдумах — почти втрое (соответственно, 3% и 8%); по работе в правозащитных организациях — в 5 раз (соответственно, 1% и 5%). Таким образом несколько **большая политизированность православной группы** обеспечивается как раз за счёт подгруппы **вовлечённых** православных.

Приведённый выше анализ о политическом участии дополняют и определённым образом подтверждают данные, выражающие отношение респондентов к участникам политических акций протестного характера (рис. 1).

Почти половина респондентов в **обеих группах** выразила своё **безразличие** к участникам протестных акций, причём

Таблица 8. Политическое участие за период последнего года — полутора лет (в %, 2018 г.)

Формы участия	Россияне в целом	Православные в целом	Вовлечённые православные	Не вовлечённые православные	Атеисты
Участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т.п.)	5	5	11	4	3
Участие в работе политических партий	2	1	3	1	1
Участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т.п.	6	5	9	5	5
Участие в выборах в качестве избирателя (голосование)	47	51	61	50	41
Работа в выборных органах местного самоуправления (советах депутатов)	3	3	6	2	2
Участие в деятельности правозащитных организаций	1	1	5	1	0
Поддерживать связи с политическими единомышленниками в социальных сетях, на форумах в Интернете	2	2	5	2	3
Участие в референдумах, публичных слушаниях, в подаче обращений в органы власти и т.п.	4	3	8	2	5
Обсуждение политических событий с друзьями, коллегами по работе, учёбе	18	19	28	18	18
Другое	0	0	0	0	0
Никакого участия в политической жизни не принимали	45	42	29	43	52

и у православных, и у атеистов показатель здесь практически идентичен. Ещё свыше трети опрошенных придерживается позиции **пассивного одобрения** (одобряют, но сами не участвуют) — более высокий процентный показатель имеет здесь **атеистическая** группа. **Активное одобрение** (одобряют и сами участвуют) высказало не более 5–7% респондентов обеих групп. Однозначное же **неодобрение** протестных акций

выразил почти вдвое более высокий процент респондентов, однако и здесь показатель невысокий, причём его значение и у православных, и у атеистов **одинаковое**. Таким образом, в обеих группах преобладает безразлично-отстранённое или же пассивно-доброжелательное отношение к участникам протестных акций. Выражающих же неодобрение, как и особенно активное одобрение вплоть до личного участия, и среди православных, и среди атеистов — явное меньшинство. Всё это подтверждает тенденцию невысокого уровня активного политического участия.

Следует вновь констатировать существенные отличия подгруппы вовлечённых православных, показатели которой заметно расходятся с данными по православной группе в целом. Здесь заметно меньше выражено безразлично-отстранённое отношение к участникам протестных акций и одновременно — вдвое выше, чем по всей группе, — процент активного одобрения.

Ещё один аспект политического участия — личная готовность принять участие в ближайших протестных выступлениях политического и социально-экономического характера на местах. Протестные акции **политического характера** (в защиту демократических прав и свобод) и аналогичные мероприятия **социально-экономического характера** (в защиту

Рисунок 1. Личное отношение к людям, участвующим в протестных акциях, митингах, демонстрациях (в %, 2018 г.)

социальных прав граждан) в плане личного в них участия, при сохранении общих тенденций, вызывают различное к ним отношение. Что касается участия в протестных акциях **политического характера**, то свой отказ от него и у православных, и у атеистов выразило абсолютное большинство опрошенных, причём более трети из них заявили о своём безусловном отказе — процентные показатели между группами здесь практически идентичны. О возможности же своего участия в политических протестных акциях заявило в обеих группах в совокупности не более 20% опрошенных, причём о своём безусловном участии — всего 5–7%. В подгруппе **вовлечённых** православных удельный вес готовых принять участие в политических протестных акциях заметно больше — так, процент выразивших безусловную готовность здесь в два раза выше, нежели по группе в целом, а совокупный показатель готовности достигает 30%.

Относительно же протестных акций **социально-экономического** характера наблюдается уже несколько иная картина. Хотя здесь также большая часть респондентов заявила об отказе от участия в них, причём безусловный отказ также выразило около трети опрошенных (несколько больший процент — у атеистов). Однако при этом доля заявивших о своём участии в совокупности достигает 30%, причём о безусловном характере своего участия — чуть выше 10% (показатели по группам идентичны). Подгруппа **вовлечённых** православных здесь также имеет ярко выраженные особенности: здесь о своём участии в протестных акциях социально-экономического характера заявило свыше 40% опрошенных, причём готовые участвовать безусловно составляют 20%, что вдвое выше, чем по православной группе в целом.

Таким образом, при редуцированной форме политического участия и общей тенденции отстранённости от участия в любых протестных акциях, и православные, и атеисты всё же более склонны к участию в протестных акциях, носящих не политический, а социально-экономический характер. **А наибольшую активность — как в формах стремления к политическому участию, так и в готовности к политическим действиям — демонстрируют именно вовлечённые православные.**

Отмеченные (по данным 2018 г.) тенденции фиксируются и сегодня, однако теперь, из-за изменившихся социально-политических и социально-экономических условий, готовность к протестной активности выше. Так, в июне 2020 г. «Левада-центр» зафиксировал, что у россиян растёт готовность участвовать в массовых протестах, хотя доля граждан, считающих возможными такие акции там, где они живут, снижается. При этом доля респондентов, готовых принимать участие в акциях, носящих социально-экономический характер (27%), впервые превысила долю тех, кто говорит о вероятности самих протестов (26% в июне 2020 г. против 41% в июле 2018 г.), принимать участие в протестах политического характера готовы сегодня 28% россиян — это максимальное значение за полтора года [Социальная поддержка... 2020]. Схожие данные приводит также ФОМ: в мае 2020 г. 24% россиян выразили готовность лично принять участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста, если они пройдут в ближайшие месяц-два там, где они проживают, также резкий скачок произошёл в ответах на вопрос «Если бы в ближайшие месяц-два там, где Вы живёте, прошли митинги, демонстрации, акции протеста, то, как Вы думаете, много или немного людей приняли бы в них участие?». В мае 2020 г. 31% респондентов ответили, что много, тогда как ещё в марте таковых было 21% [Доминанты, 2020].

РПЦ и пандемия

Насколько религиозность будет определять формы поведения, а также опосредовать новые формы социальной и политической активности, включая протестную, или наоборот будет акцентировать лояльность, зависит в первую очередь от двух факторов: от взаимоотношений РПЦ и власти, а также от отношения россиян непосредственно к деятельности и позиционированию самой РПЦ именно сейчас. Так, в начале ограничительных мер Церковь подозревали в готовности вступить в конфликт с властью за право следовать предписаниям вероучения и соответственно диктовать свои условия, прежде всего в параметрах права и формы совершения коллективных

богослужений в храмах, и совершать таинства. Однако, по мнению Р. Лункина, «ни один из мрачных прогнозов о конфликте государства и церкви не оправдался. РПЦ заняла особую позицию, но она осталась непонятной большей части общества и СМИ» [Лункин, 2020]. С другой стороны, произошедшее нарушение баланса в жёсткой иерархической структуре РПЦ, вылившееся в достаточно разнообразные реакции и действия епископов в различных регионах, в оформившийся идейный настрой части церковной иерархии — «ковид-диссидентство», широко распространившееся как в монастырской среде, так и среди епископата и духовенства вплоть до крайних форм¹.

Что касается отношения верующих к позиции и действиям Русской православной церкви, то, как оказалось, в целом интересы и поведение верующих — регулярность посещения храма, богословские или практические предпочтения, вовлечённость в социальные практики — не являются для РПЦ первичными (за некоторым исключением), что скорее всего и выразилось в той диверсификации моделей реакций и поведения, которые продемонстрировали прежде всего различные группы православных: от конспирологической архаики до осуждения решения Церкви сразу принять ограничительные меры. По мнению авторов аналитического доклада «Русская православная церковь в условиях пандемии SARS-COV-2» Агентства стратегических коммуникаций (АСК) [Русская... 2020], среди прихожан светская власть в ряде регионов ничего кроме осуждения не

1 Так, отстранённый от служения и ожидающий церковного суда основатель Среднеуральского женского монастыря схиигумен Сергей (Николай Романов) проклял всех, кто посягает на закрытие храмов из-за пандемии коронавируса: «Наше духовное руководство вместе с предтечами антихриста закрывает храмы, ссылаясь на псевдопандемию, прикрывая своё малодушие и трусость, предлагает общаться с Богом онлайн <...> Предлагаю страдающим старческим маразмом, старческой пандемией, духовной проказой, предлагающим русскому самоизоляции, забыть Бога, запретить ходить в храмы, выселить их по выбору в Биробиджан или на остров Мартиника, либо на остров Спиналонга. Смею вас уверить, как только это произойдёт, тотчас же закончится несуществующая коронавирусная эпидемия в России. Кто посягает на закрытие храмов, да будет проклят он и весь его род!» [Отец Сергей... 2020].

заслужила. По вопросу ограничений во время Пасхи «был достигнут паритет»: в 43 субъектах РФ храмы были открыты для прихожан, а в 42 — закрыты; и «через административное давление, угрозы штрафов, предписания санитарных врачей, апелляции к сохранению подвергающихся опасности жизней сограждан при неубедительной позиции епархиальных архиереев удалось загнать таинство и празднество Пасхи в формат онлайн» [Фаустова, 2020]. Этот факт ещё больше увеличил разрыв между церковными «захожанами» и прихожанами. Если первые сполна удовлетворились форматом интернет-проповедей, то вторые стали открыто осуждать светские власти, запретившие посещение храмов и не позволившие отпраздновать торжество по всем полагающимся канонам [Русская... 2020]. События празднования Пасхи 19 апреля 2020 г. показали, что «вера и принадлежность без поведения» среди тех, кто считает себя православным верующим, позволили светским властям пренебречь интересами истинно верующего населения и не позволили Церкви защитить свою паству.

Это подтверждается изменением оценок влияния РПЦ на общественную и политическую жизнь. Среди россиян в целом и во всех религиозно-мировоззренческих группах, включая православных, сложился консенсус относительно того, что РПЦ скорее должна заниматься церковными делами и не вмешиваться в политику и сферу государственного управления. Однако исключить воздействие РПЦ как непосредственно на политическую сферу, так и посредством распространения авторитета на верующих и, соответственно, формирования определённых политических установок было бы неверным. Согласно данным ФОМ, в апреле 2020 г. в ответе на вопрос «Представители РПЦ достаточно часто выступают с высказываниями, предложениями по различным общественно-политическим вопросам. Лично вы чаще согласны или не согласны с высказываниями, предложениями представителей Русской православной церкви?» 39% православных заявили, что чаще согласны, 19% — что чаще не согласны, тогда как среди атеистов обратное соотношение — 16% чаще согласны, а 32% — чаще не согласны [О влиянии... 2020]. Однако подобное отношение существенно изменилось, в том числе и среди

вовлечённых, что выразилось прежде всего в возникновении разнообразных реакций и различных групп, свидетельствующих о дроблении интересов, соответственно о возможности разнообразных политических действий и реакций в среде выделенных групп, включая параметры лояльности или протеста.

Выводы

Как показывает исследование, группа вовлечённых в религиозную жизнь православных объединяет в целом менее защищённые слои россиян, по сравнению с не вовлечёнными православными и, тем более, атеистами.

При этом чем ближе группа к РПЦ, тем более она лояльна в своих оценках ситуации в стране. По большинству изученных вопросов просматривается линейная зависимость: «ядро» православных менее критично по отношению к власти и результатам её деятельности, на фоне «периферии» православных и, особенно, контрольной группы — атеистов.

Судя по ощущениям трёх изучаемых групп, напряжение в обществе скорее растёт; причём в России в целом оно усиливается существеннее, чем в регионах, где проживают опрошенные, и, тем более, их собственных населённых пунктах (что наводит на мысли о СМИ как о «кривом» зеркале). Вовлечённым в религиозную жизнь православным рост социального напряжения представляется не таким стремительным, как не вовлечённым православным и, особенно, атеистам.

Считается, что легитимность власти, во всяком случае в демократическом государстве, зависит от степени доверия политическим и общественным институтам со стороны граждан. Если исходить из этого постулата, то для группы вовлечённых православных власть в России держится на трёх столпах: Церкви, Армии и Президенте (именно этим институтам доверяет большинство вовлечённых православных); для группы не вовлечённых православных — на Армии и Президенте; для группы атеистов — лишь на Армии. Иными словами, чем выше влияние РПЦ на группу опрошенных, тем более легитимной этой группе представляется действующая власть.

Жизненные установки опрошенных вполне соответствуют фиксируемой тенденции. Согласно выбору представителей альтернативных суждений — могут обеспечить себя и семью сами или без поддержки государства не выжить — более зависимыми от государства оказываются вовлечённые православные, по сравнению с не вовлечёнными и, особенно, атеистами.

Прослеживается ряд закономерностей: чем ближе группа к РПЦ, тем более она одобряет действия власти и тем активнее участвует в политической жизни страны, вопреки распространённым мнениям о пассивности и покорности верующих. Причём это участие не сводится только к тем формам, которые можно было бы объяснить различиями в возрастном составе групп.

Как показывает исследование, вовлечённые православные более активно участвуют и в протестных акциях, митингах, демонстрациях, чаще выражают готовность выступить в защиту экономических, социальных и политических прав. Кроме того, эта группа активнее участвует и в деятельности общественных организаций, объединений, сообществ, по крайней мере, религиозных и благотворительных, в сохранении культурного наследия, то есть оказывается более склонной к солидарным организованным действиям, тогда как атеисты более критичны в отношении власти, более дистанцированы от политической и гражданской жизни.

Вызов COVID-19 в 2020 г. не только обострил те тенденции, которые стали приобретать устойчивые очертания в 2018 г., но и актуализировал проблемы, ранее не попадавшие в поле зрения исследователей, прежде всего связанные с преодолением устойчивых стереотипов о вовлечённых верующих, а также об идейной и структурной неоднородности отмеченных групп, что может привести к переопределению институциональных и ценностных статус-кво.

Список литературы

Владимир Путин: оценки работы, отношение 29.05.2020. ФОМ. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://fom.ru/Politika/10946> (дата обращения: 10.06.2020).

- Головки О., Бородин Ф. (Оксана Головки, Протоиерей Федор Бородин). «Причастились, сели за компьютер и осудили всех». Что поняли люди, пока храмы были закрыты. Протоиерей Федор Бородин — об уроках карантина и ответственности за свой приход 08.06.2020 // ПравМир. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: https://www.pravmir.ru/prichastilis-seli-za-kompyuter-i-osudili-vseh-cto-ponyali-lyudi-poka-hramy-byli-zakryty/?fbclid=IwAR3-at1hB9oCVPE0fBp11LHCPRbXGCjp5Qxx0cle_nfdI-IuoKYJHNueXH0 (дата обращения: 10.06.2020).
- Доверие политикам. Пресс-выпуск 29.05.2020 // Левада-центр. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2020/05/29/doverie-k-politikam/> (дата обращения: 10.06.2020).
- Доминанты. Поле мнений. Выпуск 19.15.05.2020 // ФОМ. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d19pp2020.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).
- Индексы социальных оценок // ВЦИОМ. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_soc_nastroenij/ (дата обращения: 10.06.2020).
- Индекс социальных ожиданий // ВЦИОМ. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_soc_ozhidanij/ (дата обращения: 10.06.2020).
- Лункин Р. Н. 2020. Православие в борьбе с коронавирусом и в оппозиции к власти / Аналитические записки ИЕ РАН. № 16 (№ 199) // Институт Европы Российской академии наук. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an199.pdf> (дата обращения: 25.05.2020).
- Лученко К. Широко закрытые двери. Что случилось с русской церковью во время пандемии. Коронавирус. 30.04.2020 // Московский центр Карнеги. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: https://carnegie.ru/commentary/81681?fbclid=IwAR14dSKABMOgTIS_W36utWeoziFunJquYfaK3MOqJ1R1UvhFDkGn32wsCXg (дата обращения: 25.05.2020).
- О влиянии РПЦ на разные сферы жизни страны. 01.04.2020 // ФОМ. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://fom.ru/TSennosti/14371> (дата обращения: 10.06.2020).

Отец Сергей проклял всех, кто посягает на закрытие храмов из-за коронавируса. 26.04.2020 // Официальный сайт Информационного агентства «Znak». [Электронный ресурс] URL: https://www.znak.com/2020-04-26/otec_sergiy_proklyal_vseh_kto_posyagaet_na_zakrytie_hramov_iz_za_koronavirusa (дата обращения: 10.06.2020).

Пандемия и рейтинг власти: [Интервью с Л. Гудковым]. Лукавая цифра. 12.05.2020 // Официальный сайт Радио Эхо Москвы. [Электронный ресурс] URL: <https://echo.msk.ru/programs/figure/2641579-echo/> (дата обращения: 10.06.2020).

Религия в современной России: контексты и дискуссии: монография / М. М. Мchedлова [и др.]; отв. ред. М. М. Мchedлова; РУДН; ФНИСЦ РАН. Москва: РУДН, 2019. 392 с.

Русская православная церковь в условиях пандемии SARS-COV-2. Аналитический доклад // Агентство стратегических коммуникаций (АСК). Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://strategycom.info/wp-content/uploads/2020/06/russkaya-pravoslavnaya-czerkov-v-usloviyah-pandemii-sars-cov-2.pdf> (дата обращения: 09.06.2020).

Социальная поддержка. Пресс-выпуск 01.06.2020 // Левада-центр. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2020/06/01/sotsialnaya-podderzhka/> (дата обращения: 10.06.2020).

Фаустова М. После пандемии РПЦ угрожает двойной кризис. 02.06.2020 // НГ-Религии. Независимая газета. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-06-02/10_487_crisis.html (дата обращения: 10.06.2020).

Фаустова М., Мельников А. Коронавирусная фронда РПЦ быстро сменилась послушанием 31.03.2020 // НГ-Религии. Независимая газета. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-03-31/9_484_russia.html (дата обращения: 10.06.2020).